

Зиновий ЧЕРНИЛОВСКИЙ

Право собственности от Авраама до Валентина Павлова

...Гораздо удобнее двигаться, вращаясь вокруг собственной оси, нежели шагая собственными ногами.

Вольтер

Древний мир

Насмешливую реплику Вольтера я вынес в эпиграф статьи, ибо она довольно точно выражает наше движение в сторону рыночной экономики, и прежде всего ее основы — права земельной и иной частной собственности.

В исторической действительности имела место полностью противоположная ситуация. Смутные представления о своем и чужом появились в умах наших далеких предков еще тогда, когда они не знали производительной деятельности. Племена сходились на границах своих жизнеобеспечивающих ареалов для того, чтобы обмениваться продуктами, которыми их снабжала сама природа. Так продолжалось достаточно долго — пока, как говорят антропологи, «собака не вывела человека в люди».

Я имею в виду появление стад, охраняемых с помощью овчарок, с чего и начинается история собственности. Древний человек — кроманьонец — был удивительно талантлив: неведомым путем он научился направленной селекции. Из приблизительно 1500 пород, пригодных к одомашниванию, человек отобрал самых лучших — десятую часть, и они до сих пор кормят и поят человечество.

Скотоводство имело своим следствием выдвижение мужчины как собственника стад — по правопреемству охотника — и тем самым обрекло на «всемирно-историческое поражение», как выражается Ф. Энгельс, до того равных ему женщин — собирательниц злаков.

Затем наступает очередь земледелия, и чем больше мы проникаем в эту область, тем более отодвигается в глубь веков его начало. И так же, как это было с животными, человек отобрал самые плодородные злаки: кукурузу, рис, пшеницу, бататы и т. д.

Наряду с древнейшими орудиями труда и охоты появляются новые: соха и мотыга, борона и серп, а вместе с тем выводится порода животных, «хо-

---

Черниловский З. М. — доктор юридических наук, профессор Московского юридического института

дящих в ярме». Поле долгое время является общим, но его уже на заре истории начинают делить на части, приписанные к разным хозяйственным единицам. Гомер доносит до нас горькую весть о том, как «два человека, соседи, оба за межи раздорят, оба с саженьем в руках шумно за равенства спорят».

Но еще задолго до Гомера вавилонский кодекс царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) регулирует все возможные для того времени формы сделок с землей и прочими вещами: купля-продажа, аренда поля, наем и т. п. Через тысячу лет после Хаммурапи составители Ветхого Завета сочтут необходимым описать в подробностях сделку Авраама с хеттиянином Ефроном о купле-продаже «поля и пещеры на нем» за «довольную цену», и когда она была выплачена, и поле, и пещера перешли Аврааму в «собственность». Перепроверяя русский перевод 23 главы «Бытия», я обратился к классическому переводу Мартина Лютера и нашел ту же «собственность».

В древних Афинах, на чем сходятся все исследователи, частная собственность появляется задолго до реформы Солона (594 г. до н. э.), на долю которого выпало урегулирование купли, и продажи земельных владений, денежных операций, включая ростовщичество под ипотечные залоги, и т. д. А когда читаешь «Илиаду», видишь, что стремление простого воинства возвратиться в дома питается еще и тем, что может быть названо обретением своих земельных наделов.

Частная собственность на землю и свобода предпринимательства питали афинскую науку и культуру. И не только благодаря новым возможностям разделения труда, но и в интересах самой хозяйственной и политической деятельности. Достаточно широкое вовлечение иноплеменников-рабов в производство и распределение освободило множество умов для творческой деятельности, и Аристотель по-своему прав, указывая на то, что без рабства философам пришлось бы зарабатывать на жизнь, направляя челнок по основе. В свою очередь, афинская культура и наука служили идеологической основой демократии, и можно провести связь между подъемом и упадком этих сфер.

В резкой противоположности процветающим Афинам, городу, из которого вышла наша цивилизация, находится архаическая Спарта с ее государственной собственностью на землю, полурабским земледельцем-илотом, строгой государственной системой воспитания юношества и столь архаическим государственным строем, что, пользуясь словечком Аристотеля, его с полным основанием можно назвать «детским». Это относится не только к системе выборов властей, но и к самому их функционированию. Нетрудно понять, почему именно Спарта была, при всех прочих доблестях, образцом «коммунистического строя» для самых реакционных теорий и утопий.

И в Древнем Риме мы обнаруживаем существование государственной собственности на землю, но она давала о себе знать только — как и в России 1861 г. — при необходимости крупных реформ землепользования, что случалось редко. Все остальное время римский гражданин был абсолютно свободен в праве распоряжаться, владеть и пользоваться своим земельным наделом. И самовольно, хотя и по праву, занимать всякую пустующую землю, собственник которой неизвестен или отсутствует, не подавая вестей. И такого рода захват строго защищался против всякого третьего лица преторским интердиктом — запретом. Право собственности — *dominium proprietatis* — было снабжено всеми необходимыми реквизитами, включая право перехода по наследству, продажу, залог, аренду.

Не следует, однако, чрезмерно преувеличивать власть земельного собственника. Она уже в римские времена была обременена сервитутами, т. е. вещными правами на чужую собственность (право каждого перегонять скот к водопою по тропе, пролегающей по чужому участку, право брать глину всюду, где она есть, и т. п.). Вспоминается мудрая английская поговорка,

гласящая, что соседи тем лучше уживаются друг с другом, чем выше разделяющий их забор.

Век за веком право собственности приобретает в Риме все более широкую и вместе с тем квалифицированную правовую основу. И именно из Рима вышла знаменитая триада собственности — владение, пользование, распоряжение.

В более развернутом понимании римского права собственность есть господство: прямое, наиболее абсолютное (в сравнении с арендой и тем более с владением), исключительное (недоступное для третьего лица), легко приспособляемое (как только истекает срок аренды или ипотеки, собственник автоматически, без усилий возвращает себе фактическое господство над вещью), наконец, правовое, т. е. как бы «идейное» господство над «своей» вещью.

Издrevле установленные ограничения права собственности (сервитуты), сохраняя свое значение, получают новую правовую основу — в интересах как общества в целом, так и особого соседского права, примером которого может служить имиссио — право требования прекратить или ограничить проникновение на соседний участок дыма, неприятного запаха (превышающего привычные нормы) и пр.

Толкуя обо всем этом, мы как бы проникаем в лабораторию римской правотворческой мысли, придавшей праву собственности столь совершенное основание, что оно вполне пригодно для наших нынешних законов и теорий.

В известном смысле вся римская история может быть сведена к борьбе за расширение земельной собственности полиса — государства — империи. Римская государственность, включая римское ополчение, зиждется на частной земельной собственности, и она же толкала римскую общину на путь новых и новых земельных приобретений. Скотоводы не создавали империй! Отсюда проистекают знаменитые римские доблести, о которых упоминает Г. Гегель в своей «Истории философии»: «...благороднейшие люди в римской республике просят граждан. В этом нет никакого бесчестия для отдельного лица, ибо оно должно склониться перед всеобщей силой, а этой реальнейшей благороднейшей силой является народ»¹. Разумеется, речь идет о демократии.

Замечательнейшее из достижений римской культуры — римское право — возникло из примитивного зерна, заключенного в архаических «Законах XII таблиц» (V в. до н. э.), и то, что оно достигло всемирно-исторического уровня, связано с частной собственностью и всем тем, что к ней относится. Социальной основой римской демократической государственности и римского права периода республики были равное право на землю и относительное равенство богатств и состояний. Как только было утрачено и то и другое, наступила эпоха диктатур, а за ней — империя. Нельзя не задуматься над тем, что пишет об этом Ш. Монтескье: демократия должна избегать двух крайностей — неравенства, которое ведет к аристократии или правлению одного, и доведенного до крайности равенства, которое точно так же завершается деспотизмом. Ибо, добавлю, «дух всеобщего равенства» ранее всего убивает два качества: интерес к труду и талант².

Таким образом, не частная собственность сама по себе служит причиной общественных бед; напротив, именно ей мы обязаны тем комфортом, который достигнут человечеством в наши дни. Истинная причина заключе-

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч., т. X. М., 1932, с. 83.

² С особым рвением Монтескье ополчается против роскоши одних и нищеты других. И хотя он оговаривается, что называет роскошью одно лишь «физически необходимое», понятие это остается неопределенным. Гораздо лучше у аббата Сен-Пьера: «Дурное употребление излишка — вот что я называю роскошью». См. «Дух законов». СПб., 1900, с. 99.

на в такого рода ситуации, когда лишенный собственности народ оказывается во власти эксплуатирующего его государства и всех тех классов, которые в данном обществе господствуют. Наиболее яркий пример тесной связи права собственности и общего экономического и политического развития — феодальный Китай. Здесь уже в III в. н. э. возникает, а затем и утверждается государственная собственность на землю. Крестьянская община получает землю в виде наделов (так называемых «равных полей»), что и приводит в конечном счете к довольно быстрому закреплению крестьян. Вечно-наследственные арендаторы государственной земли образуют по-своему независимый мирок, основанный на соединении земледелия и ремесла.

Конечно, и в Европе, и в Китае феодальные отношения не означали полной экономической стагнации, но примечательно, что изобретение бумаги и фарфора приходится на дофеодальное время (I—II вв. н. э.). В той или иной мере развитию промышленности и торговли содействовало прямое участие государства, создавшего казенные ведомства по добыче серебра, меди, железа и т. д. Предприятия эти были основаны на труде феодально-зависимых работников. Достижения возможны и при такой системе собственности, но общегосударственный рынок не возникает.

Эпоха позднего феодализма в Китае характеризуется все тем же отрывом работника от средств производства, только теперь государственная земельная собственность соседствует с частновладельческой, при которой крестьянин как бы остается крепостным. Даже наемные работники приобретали статус зависимых, и сам их труд был по своей правовой основе скорее принудительным, чем свободным (примечательное явление). Манчжурские завоеватели (Цинская династия) сохраняют государственную собственность на землю и принудительный труд.

Отсюда и следствие — отсталость Китая, из которой он не выбрался и по сей день.

Интерес

Первым из философов Нового времени вопрос об интересе как имманентно присущем человеку качестве поставил и по-своему решил знаменитый К. А. Гельвеций, сочинение которого «О человеке» содержит в себе исходный пункт для неоконченных дискуссий по вопросу об эгоизме и альтруизме, индивидуализме и коллективизме, интересе личном и общественном.

Люди подчинены интересам, полагал Гельвеций. Интерес же связан не со злом, как это часто преподносилось в теологии и в философии, а со стремлением к личной пользе, в которой нет и не может быть ничего предосудительного, если она не входит в противоречие с интересами общества в целом. Неосновательны попытки свести «интерес» Гельвеция к вульгарному утилитаризму. Даже теоретики индивидуализма, как ни странно, не всегда соглашались с Гельвецием.

Между тем, сделав ошибку в том, что касается природного равенства личных черт в человечестве (все равны по своему уму, различия вызваны средой и воспитанием), Гельвеций исправляет себя в другом, главном: признает равным, идущим от физиологии, стремление личности к осуществлению своего интереса, не исключая и имущественного. Раз интерес в исканиях пользы не вступает в противоречие с интересом общественным, законодатель должен стимулировать — в духе физиократов — и само искание пользы, и ее обеспечение (в том числе невмешательством в те личностные отношения, которые благоприятствуют полезному).

Нравственный постулат полезности был подхвачен и по-своему интерпретирован И. Бентамом, и притом не на пользу доктрине Гельвеция. Бентам не придавал значения тому «чувственному» отношению индивида к

своему интересу, на котором настаивал Гельвеции, поэтому английский философ защищал один лишь полезный результат. Отыскание мотивов бес-полезно и должно быть оставлено философией. Действие — все, мотивы действия — ничто!

Столь утилитарное, если не сказать вульгарное, толкование Гельвеция было страшным ударом по доктрине интереса как источника пользы. Второй, еще более страшный удар был нанесен К. Марксом, поставившим на место индивидуального, личностного интереса — интерес классовый. Таким образом, философия, хотя и в своей особенной форме, возвратилась к Ж.-Ж. Руссо, для которого личность растворяется в общественном союзе, и даже к христианству с его стремлением подчинить личность как доктрине, так и организации. Маркс, впрочем, и здесь следует за Гегелем, который назвал «ужасным самомнением» противопоставление авторитета самоличного убеждения авторитету государства или нации. В этом известном постулате заключалось все то, что Гегель считал невозможным и ошибочным в индивидуалистических учениях И. Канта и И. Фихте. Гегель, к сожалению, одним этим отрицанием дискредитировал кантовскую идею правового государства с неотъемлемыми, «естественными» правами личности, практически согласившись с П. Леру, французским социалистом, пытавшимся сблизить католицизм и социализм. (Известно его выражение: «Когда я вижу отдельного человека, я вижу в нем только человечество». Так точно мог бы сказать и Маркс: «Когда я вижу человека, я прежде всего вижу его классовый интерес».)

Из опыта нашей трагической истории мы хорошо знаем: классовым интересом оправдывалось лишение рабочего средств производства, равно как и ликвидация кулачества как класса, не говоря уже о диктатуре партийной номенклатуры, будто бы выражающей своей созидательной деятельностью все тот же «классовый интерес», и т. д.

Таким образом, нет частной собственности — нет и демократической государственности.

История XIX в. была историей постепенного продвижения по пути индивидуальных свобод, а ныне нет такой демократической конституции, которая не содержала бы кодекса естественных и неотчужденных прав личной свободы и независимости, включая и даже выдвигая на первый план свободу частной собственности, инициативы, совести, слова и т. п.

На собственном горьком опыте мы убедились в том, насколько пагубно лишить человека земли, предприятия и деловой активности вообще, насколько аморально управлять, не считаясь с интересом, и под прикрытием так называемой общенародной собственности лишать человека не только хлеба, но и достоинства, не только свободы выбора, но и самой мечты о ней. В этой ситуации толковать о демократии, по крайней мере, смешно.

Не будучи биологом, антропологом (но не без некоторой начитанности в этих областях знания), я позволяю себе думать, что феномен интереса заключен в некоей биологической преемственности, идущей от инстинкта самосохранения и заботы о потомстве. Но еще важнее, что генетический потенциал личности уникален и потому равенство может означать только равенство индивида перед законом, равный правовой статус, равенство возможностей. Во всем остальном природа оставляет нам большую или меньшую способность самовыражения и достижения цели. «Отрицание генетических различий между людьми в том, что касается черт интеллекта или характера, основано на заблуждении,—пишет известный американский биолог Э. Майр.— Не может быть сомнений в том, что наследственность, определяющая духовный и нравственный облик человека, есть прирожденный биологический фактор: не существует двух одинаковых особей, и почти каждый организм зависит как от факторов среды, так и от генетических

факторов. Вместе с тем нельзя упускать из виду, что естественный отбор, как бы он ни смягчался социальными институтами современности, отнюдь не прекратился»³.

Если так, то биологическая несводимость индивида к индивиду не может не вызывать конкуренции между ними. Но как в физике разноименные заряды притягиваются, так и в мире людей — их разнохарактерность толкает к сближению и единству друг с другом. Таким образом, возникает общество, вне которого индивид не может, не способен осуществить свой исконный жизненный интерес.

Так устроен мир, и Марк Твен остроумно заметил, что стань люди одинаковы, пришлось бы прикрыть даже и бега, ибо все ставили бы на одну и ту же лошадь.

Материальное и идеальное в жизни общества

Рабовладение, повторю, освобождало время свободных людей для занятия науками и искусствами. Однако, начиная с середины III в. до н. э., т. е. с укоренением рабства как системы эксплуатации, технический прогресс почти полностью прекратился — как в земледелии, так и в ремесле.

Сказанное относится и к Римской империи. Соху и цеп изобрели за ее пределами — и притом свободные народы, только что освоившие земледелие. Римляне имели все возможности использовать энергию свободно падающей воды, но почти не продвинулись в этой области. Прогресс науки и техники начался уже после падения Рима, с утверждением более или менее свободного крестьянского землевладения, называемого эмфитевтическим.

Начало эмфитевзису было положено еще в недрах разлагающейся империи: заинтересованные в освоении пустынных земель крупные латифундисты (а также и само государство) как в Италии, так и в провинциях предоставляли желающим землю в вечно-наследственное владение, обусловленное уплатой ежегодного взноса. Эмфитевзис переходил по наследству и не мог быть изъят иначе как после трехлетней просрочки платежей. Эмфитевту не возбранялось продавать обрабатываемую им землю на определенных условиях. И, конечно, никто не мешал эмфитевту вести свое хозяйство, как он это считал нужным.

Получив широкое распространение на Западе, и особенно во Франции (цензива) и Германии (чинш), эмфитевтическое владение много способствовало техническому прогрессу. Все тот же интерес служил его движущей силой. Уже в конце XI в. стало использоваться водяное колесо, сначала в сукновальном деле, а затем во многих других областях экономики (бумажные фабрики, рудодробилки и пр.). С XI в. французские крестьяне научились поднимать в реках воду в целях орошения. Затем наступает время водяных лесопилок, токарных станков, движимых энергией свободно падающей воды, и т. д. Водяное колесо сделалось универсальным двигателем, и с ним начинается свой путь промышленность.

Первые упоминания о ветряной мельнице восходят уже к 1180 г. (Нормандия), затем ветер приспособляют для водоподъемных работ, для осушения земель (в Нидерландах). Уже в XI в. возникает и получает быстрое распространение конная пахота, тогда же изобретаются подковы, упряжь и т. п. Начинает свое существование плуг, а с ним и отвальное земледелие — важнейшее из приобретений человечества.

В результате технического прогресса появляется излишек сырья, благодаря которому возрождаются старые римские города, возникают новые. Ремесло и торговля порождают рынок, поначалу региональный, а затем и всеевропейский. Являются на свет ярмарки и банковские операции.

³ «Nature», 1973, № 12; 1974, № 2.

В чем же причины всего этого? Представляется, что более всего технический прогресс обязан эмфитевзису, преобразованному в цензиву и чинш. Что же касается Англии, где в год всеобщей переписи населения и имущества в Книгу Страшного суда, а именно в 1088 г., было фиксировано существование сотен водяных мельниц — по одной на 50 крестьянских дворов,— то нет сомнений, что их возведение и эксплуатация тесным образом связаны с многими тысячами свободных крестьянских дворов, о которых свидетельствует названная книга.

Выдвижение Англии и Франции в число передовых стран Европы находится в непосредственной связи с освобождением крестьян от крепостной зависимости и с утверждением прочной правовой защиты крестьянского хозяйства. В Англии, как это доказал еще П. Виноградов, крестьянин-виллан прочно удерживал наследственный надел, а размер повинностей в пользу лендлорда, установленный обычаем, считался неизменяемым в принципе. По мере увеличения товарности хозяйств наиболее удачливые и предприимчивые вилланы достигают почти полной свободы и переходят в сословие копигольдеров. То были уже фермеры, эксплуатировавшие собственных соседей и не зарекавшиеся от участия в ремесле и торговле⁴.

Во Франции быстрый рост городов, народонаселения и общий хозяйственный подъем были вызваны теми же причинами, что и в Англии. Приведу для примера одно из аббатств в старой Шампани (XII в.). В одном из поместий аббатства числится по описи 33 крестьянских двора — и все свободные. В другом — те же 33 свободных, в третьем — 19, в пятом — 32, в шестом несвободных нет вообще. Исключение составляли два имения из восьми — здесь еще сохранялась горстка сервов, тонущая в массе свободных цензинариев.

То же в Германии, где распространение чинша, т. е. аренды, привело к возникновению класса свободных арендаторов, почти собственников.

Подобные примеры многочисленны. Как в Англии, так и во Франции замена натуральных повинностей денежными, свободный статус крестьянства и его право вступать в сношения с городскими цехами и участвовать в городской торговле — лично или через посредников — стали причиной бурного подъема экономической жизни, включая промышленность и денежное обращение.

А наше отечественное предвозрождение, загубленное на корню Иваном IV? Даже очень осторожные историки отмечают возрастание экономической независимости крестьянства с конца XIV в. (после Куликовской битвы) и в течение всего XV века. Основная масса крестьян, так называемые «старожильцы», прочно владели своими наделами и были обязаны расплачиваться за них главным образом оброками, размер которых определялся обычаем. То была, собственно говоря, крестьянская аренда, и она-то и позволила подняться из руин русским городам и ремеслам, начать каменное строительство, возродить киевское культурное наследие в религиозной, житейной и светской литературе, в иконописи и т. д. Наряду с этим натуральная повинность крестьян, бывшая повсеместно господствующей, сменяется постепенно денежной — процесс этот, весьма при-

---

⁴Работая над докторской диссертацией, я ознакомился с чешскими и польскими монастырскими хозяйственными книгами. Более всего поражало, что за каких-нибудь 100—150 лет первоначальное равенство лаков (около 17 га) уступило место их резкой дифференциации (в одной и той же деревне). Менее всего это походило на результат предприимчивости одних и нерадения других. Более убедительным казалось, например, объяснение, что у одного крестьянина рождались одни дочери (разорялся на приданом), у другого — одни сыновья (и дармовая рабочая сила, и приращение имущества при женитьбах). Возможности, лежащие за пределами случайностей (пожара, падежа, болезни и пр.), и в голову не приходили. Тем более, что и повинности у всех были одинаковыми. Люди представлялись равными не только по их юридическому статусу, но их личностным возможностям. Теперь бы я отнесся с большим пониманием к феодально-зависимому «кулаку-мироуду».

мечательный, отчетливо прослеживается по хозяйственным записям той эпохи.

Что же сделал Иван IV? Опираясь на силу, он провел почти повсеместную национализацию русских земель, лишив не только бояр, но и крестьян всех степеней и разрядов уже сложившихся в той или иной мере владельческих прав на землю. Одновременно было положено законодательное начало повсеместному закреплению крестьянства — отменой Юрьева дня и так называемых заповедных лет. С этого времени и до 1917 г. русские императоры смотрели на себя как на верховных собственников всей подвластной им земли.

Новая собственность — новое общество

Переменам в хозяйственной жизни в Западной Европе сопутствовала неуклонная и постепенная — от века к веку — переориентация духовной жизни общества. Я, разумеется, далек от того, чтобы привязывать эту эволюцию к такому важному приобретению XII в., каким был уже упомянутый нами отвальный плуг или даже парусный флот. Но я полагаю все же, что свобода экономическая не существует отдельно от свободы мысли и чувства, что свобода в одном захватывает так или иначе все области жизнедеятельности и включает свободу политическую, совести, слова, печати и т. д. В этой связи я позволю себе привести поучительную таблицу, свидетельствующую, как сказал бы Ж. Кондорсэ, о прогрессе наук и искусств.

Таблица 1

Прогресс живописи и скульптуры

Тематика. %	Века								
	доX	X—XI	XI—XII	XIII—XIV	XV	XVII	XVIII	XIX	XX
Религиозная	81,9	94,7	97,0	85,0	64,7	50,2	21,1	10,0	3,9
Светская	18,1	5,3	3,0	15,0	31,3	49,8	75,9	90,0	96,1

Приведу и другой, не менее красноречивый пример, свидетельствующий о вытеснении религиозно-мистической тематики в философии, этике, художественной литературе.

В X—XI вв. христианская мифология господствует безраздельно: 94,7% в XI в., 97% — в XII. Но уже в том же XIV в. наступает перелом, и соотношение становится 85 к 15%. В XVII в. религиозная и светская темы достигают компромисса: 50,2 к 49,8%. В XVIII в. светская тема уже почти господствует: 21,1 к 79,9%, чтобы в XX в. прийти к знаменательному соотношению: 3,9 к 96,1%⁶.

Снова, как в прежнем примере, переломными являются XIV и XV века.

В чем же дело?

Что же движет этот почти рассчитанный по векам прогресс ума и таланта? Этот вопрос неоднократно обсуждался и обсуждается в науке, и каждая школа выдвигает свои аргументы. Но почти все соглашаются, что первопричина — в смене феодальной формы собственности на буржуазную, в перенесении акцента из поместья в город с его новой стратификацией, включающей философскую, юридическую и художественную интеллигенцию, существующую на средства новых собственников, ищущих новые формы умственной деятельности и жизненного комфорта. В пору, когда прогресс науки и техники сделал жизнь более приятной, стало возможным оглянуться на мир и воскликнуть вместе с Ф. Петраркой: прислушайтесь к

⁵ См. S o g o k i n P. The crisis of our age. Mew York, 1957, p. 15.

⁶ См. Ibidem.

соловьиному пению — в нем радости земной жизни и ими не следует пренебрегать ради прелестей загробного существования.

Человек выпрямляется, становится личностью. Пусть даже и посреди гнетущего неравенства людей и сословий.

Возникает новое, качественно отличное общество и как раз там, где формируются центры Возрождения: Флоренция, Венеция, Брюгге, Нюрнберг и т. д.

«Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа,— читаем мы у раннего Маркса,— развиваются, а частью и впервые порождаются, богатства человеческой сущности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз»⁷.

Еще резче влияние среды на «человеческую сущность» подчеркивает Г. Плеханов: «Природа человека делает то, что у него могут быть эстетические вкусы и понятия. Окружающие его условия определяют переход этой возможности в действительность»⁸.

Своеобразным отражением новой чувственности было и то эротическое напряжение, о котором свидетельствуют «Фатеции» Поджо, «Декамерон» Бокаччо, любовная лирика, более чем свободные нравы...

Еще примечательней статистика научных и технических открытий за один лишь (но зато послереволюционный) XIX век. Сравнение с предшествующей историей (150—200 открытий и усовершенствований в век) настолько разительно, что раскрепощение собственности в качестве главной причины прогресса выдвигается на первый план само собой.

Таблица 2

Период	Распределение открытий по десятилетиям в XIX веке			Всего открытия
	Научные	Технические	Географические	
1791—1804	149	113	7	269
1821—1830	388	227	16	631
1840—1850	441	313	9	763
1861—1870	584	423	13	1020
1881—1890	663	477	13	1142

Общее же число всех этих открытий приближается к 10 тысячам. Нужны ли еще резоны, свидетельствующие в пользу интереса, возбужденного очевидным продвижением к лучшей жизни сначала для немногих, затем и для большинства, если не всех!

На это ушел весь XX в., научные достижения которого нельзя сравнить ни с какими другими в истории человечества. Я уже не говорю о технологиях, позволивших Соединенным Штатам, Японии, ФРГ получить валовой национальный продукт, исчисляемый триллионами долларов. Из всех достижений человечества это, может быть, самое главное.

Поражает и тот размах, который получает так называемая «чистая» наука, захватившая все сферы знания. При этом неременным правилом становится: где больше демократии, открытости, включая доступность информации, там и размещаются всемирно известные центры научного познания природы и самого человека.

Свободная экономика — свободный народ, свободный народ — демократическое государство и право, уважение закона, независимость суда и т. д. Мы говорили о Венеции, Флоренции, Брюгге, Роттердаме. Теперь это — Нью-Йорк, Лондон, Париж, Токио...

Сошлюсь на римского юриста Яволена: от имущества мы ждем наиболь-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 593.

⁸ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. V. М., 1958, с. 294.

шей пользы, там же, где пользы нет, нет и самого имущества. Как не вспомнить в этой связи Э. Бернштейна, который еще на заре XX в. пришел к выводу, что технический прогресс, способный накормить и одеть каждого нуждающегося, вкупе с развивающейся демократией ведут к смягчению, а затем и к устранению классовой борьбы, делая возможным движение к социализму не через насильственную революцию, но через прогрессивные реформы. Он же предсказал появление среднего класса, чему мы теперь сами являемся свидетелями.

Частная собственность для нас:
угроза или панацея?

Нельзя не видеть того, что панический страх перед частной собственностью, едва ли не господствующий в нашем обществе и искусно подогреваемый консерваторами, пошел на убыль. Прозрения еще нет, но недоверие остается. Оно проникло в законы о собственности, земле, предпринимательской деятельности. И потому нелишне остановиться на том, что есть на самом деле так называемая частная собственность в современном капиталистическом обществе.

Нет слов, эйфория, охватившая буржуазную интеллигенцию после победы Великой французской революции 1789 г., продиктовала ей романтическое отношение к собственности. Первым законодательным выражением этой наивной чувствительности была ст. 17 Декларации прав человека и гражданина с ее титулованием права собственности как «священного и неприкосновенного». При всем том авторы Декларации, несомненно, знали, что как для греков, так и для римлян «священной и неприкосновенной собственностью» была почти исключительно собственность храмовая.

Составители Гражданского кодекса Франции, мудрые юристы-практики, исключают эту терминологию, ограничившись точной формулой, содержащейся в ст. 544: «Собственность есть наиболее абсолютное право пользования и распоряжения вещами, с тем лишь ограничением, которое установлено законом или регламентом».

Не абсолютное, заметим, а лишь «наиболее абсолютное» — по сравнению со всеми другими вещными правами: владением, арендой, наймом и т. д.

Уже самый факт освобождения собственности от феодальных пут, равно как и все остальное, что за тем последовало (ликвидация цехов и освобождение труда, устранение купеческих гильдий и свобода торговли, урегулирование налоговых тягот и т. д.), включая, разумеется, равенство граждан перед законом, и, наконец, получившее широкую известность дозволение (ст. 5 Декларации) действовать беспрепятственно во всем, что не воспрещено законом (буквально: «То, что не воспрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписываемому законом»), — все это не могло не революционизировать общество и, более всего, людей предприимчивых.

Прислушаемся к Кондорсэ: принципы Французской революции уже усвоены всеми просвещенными людьми. «Мы увидим, что они слишком распространены и слишком громко исповедуются, чтобы усилия тиранов и священников могли помешать проникнуть им постепенно до хижин их рабов; и эти принципы скоро пробудят здесь остатки здравого смысла и то глухое негодование, которое привычка унижения и страха не может заглушить в душе угнетенных» (подчеркнуто мною.— З. Ч.)⁹.

Эти последние, поставленные в новые условия, освобождаясь от навя-

⁹ К о н д о р с э Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936, с. 223.

занных им убеждений, должны были вступить в борьбу за то именно «отдельное существование», которое почти сразу после окончания смут переходного периода принесло стране избавление от очередей за хлебом насущным.

Действительная история не подтвердила прекрасноречивые уверения Энгельса в «Анти-Дюринге», что как только «общество возьмет во владение средства производства», будет устранено товарное производство, а анархия, царившая внутри общественного производства, сменится планомерной сознательной организацией. И как результат: борьба человека за отдельное существование прекращается¹⁰.

Теперь мы знаем, что это не так. «Борьба за отдельное существование» (со всеми приличествующими оговорками) заключена в натуре человека, и когда ее нет, извращается и сама эта натура. Человек бездеятельный трансформируется в человека паразитирующего, его идеологией становится «святая нищета», не обремененная повседневным трудом. Борьба за существование принимает формы борьбы за свободу паразитирования, личность деградирует, гражданин исчезает.

Но прав Кондорсэ: в душе его продолжает жить смутный идеал борьбы за лучшую жизнь, и когда дверь в нее приоткрывается, является на свет новая генерация тружеников, соединяющая в себе свободный труд и свободу самосознания.

Гарантия интересов

Мы привыкли бравировать «общественным интересом», превратившимся во всепожирающего Молоха. Манипуляции с рублем правительства В. Павлова — красноречивое тому подтверждение.

Между тем именно в свободном обществе достигаются должное соотношение между частными и общественными интересами и их гарантия. Это у нас, где собственность размыта и неопределенна, она не связана твердыми узами запретительного закона. Другое дело при капитализме. Уже Наполеон отнял у землевладельца первостепенные полезные ископаемые. Чем дальше продвигалась индустриализация и технизация, тем более возрастали ограничения на земельную собственность, а затем и на промышленное производство.

Значительная часть обрабатываемой земли была подвергнута принудительному, хотя и возмездному, отчуждению под угольные копи, заводы и фабрики, железные дороги, а затем аэродромы, танкодромы, автострады и т. п. Затем последовали санитарные и экологические запреты и стеснения. А когда французские землевладельцы потребовали платы за пролеты коммерческих самолетов над их «воздушным столбом», им — в интересах общества — было сказано «нет»!

Прибавим к этому, что государство само было и остается крупнейшим собственником значительной части национальной территории, промышленных предприятий, банков. Оно охотно вкладывает деньги в акционерные общества, а последние в собственных интересах идут на контакт с государственной казной (первоочередной выход на мировой рынок, льготное налогообложение пр.).

В то же время буржуазное государство давно отступило от невмешательства в производственные отношения, как этого требовала в свое время школа экономического либерализма, представленная Б. Констаном во Франции, И. Бентамом и Дж. С. Миллем в Англии, заимствовавшая у физиократов их знаменитое «не мешайте действовать» (*laissez faire*).

Сколько раз мы были свидетелями того, как именно государство, дейст-

---

¹⁰См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 294.

вужа по настоянию самих капиталистов, стабилизировало курс доллара или франка, заботилось о пресечении предкризисных факторов, стимулировало один вид промышленной деятельности, сдерживая другой, и т. д. А сколько денег вкладывает буржуазное государство в науку и технологию, как внимательно следит оно за индексом Доу-Джонса... Все дело в том, что буржуазные методы регулирования не ущемляют ни права собственности, ни инициативы собственника.

И как не упомянуть законодательство, способствовавшее ограничению монопольных цен на товары, правительственный надзор за качеством продукции, санитарную службу и т. п.

Тогда как в прошлом веке правительства Англии, Франции, США и других стран капитализма опирались на буржуазию и действовали главным образом в ее интересах, теперь, как с очевидностью свидетельствуют избирательные кампании, даже буржуазные партии ищут себе избирателей в среднем классе, составляющем подавляющее большинство населения развитых стран. А как планомерно действуют службы, фиксирующие общественное мнение! Из всего этого следует, что «буржуазного государства», каким его видели Маркс и Ленин, более не существует (разве что на «окраинах»). Кто бы ни правил: социал-демократы или христиансо-социалисты. И это очень хорошо видно по тому, как «пролетарская Англия» отдает предпочтение правительству консерваторов — казалось бы, по классической теории, своим злейшим врагам. То же в ФРГ — основная масса рабочих голосует за ХДС. Корень вопроса — в той же собственности, к которой английский рабочий класс, неплохо обеспеченный, питает столь нежные симпатии, что одна лишь угроза потерять что-нибудь в стоимости приобретенных им акций — к слову сказать, приватизированных предприятий — отвратила его от собственной лейбористской (рабочей) партии!

Мы все еще стоим на перепутье: путь, на который мы должны встать, должен приближать нас к цивилизованным стандартам жизни. Но он требует от всех нас прежде всего отречения от догм. Идеология — страшная сила: созидательная, если она отвечает требованиям науки о природе и обществе, и разрушительная, если она зашорена ложными стереотипами.

Современной цивилизации не было бы и в помине, если бы человечество держалось церковного канона как главной идеологической силы средних веков. Еще раз прибегну к статистике. Непререкаемые суждения о природе и обществе, исходившие от христианской теологии, занимают: в XIII—XIV вв. — 100% сознания, в XV—XVI вв. — уже только 23%, в XVII—XVIII вв. — чуть больше 6%, чтобы затем уступить все оставшееся место рационализму, естественным и философским наукам, в той или иной мере игнорирующим традиционное богословие.

Другой (восходящий к М. Веберу) пример дает протестантизм. Не отказываясь ни от Бога, ни от приготовления к загробной жизни, протестанты всех конфессий сосредоточились на земном: трудолюбии, накопительстве, трезвом образе жизни, своей особой нравственной философии, тяготеющей к народовластию. И вот результат: странами, первыми вставшими на путь сравнительно быстрого экономического продвижения, оказались Англия и США — т. е. страны с преобладанием протестантской религии и философии, тогда как Италия и Испания с их неистребимым господством католической теологии надолго оказались в конце очереди...

Прогресс идей, как уже говорилось, всегда и везде начинался в городах, среди интеллигенции. Таков и наш нынешний путь, а другого не дано. Такая интеллектуальная сила есть и, как представляется, уже набирает очки в своем соревновании с традиционно-бюрократическим, псевдосоциалистическим мышлением, основанным на защите «обобществленной собственности» наперекор собственности частной, а вместе с тем групповой, акцио-

нерной, смешанной и т. д. К борьбе с этой силой, опирающейся, главным образом, на дезинформацию и автомат Калашникова, уже поднялись широкие слои индустриальных рабочих. Они создают собственные консорциумы, выходят на мировой рынок.

Газеты полны торговой, посреднической и прочей рекламы, среди которой немало частной. День за днем все больше становится и рекламы производственной. Ибо в чем Маркс абсолютно прав — производительные силы, если они знаменуют прогресс, так или иначе, но восторжествуют, опрокидывая все и всяческие преграды.

© 3. Черниловский, 1992